

Горнолыжный рассказ с пандемической концовкой / рассказ

Category: *Некаýалар, Kitарсу*

написано *kitарсу* | 24 января, 2025

Горнолыжный рассказ с пандемической концовкой / рассказ
ГОРНОЛЫЖНЫЙ РАССКАЗ С ПАНДЕМИЧЕСКОЙ КОНЦОВКОЙ

Борису Ланину

Годы отказа научили меня не оставлять надежды. И хотя этот императив в наши дни может прозвучать ненужным трюизмом, он верно служил мне на протяжении трех с половиной десятилетий жизни в эмиграции. Правда, случалось, что упорство бывшего отказника портило мне жизнь. Ведь порой ничего не остается, как принять неизбежность судьбы. Именно поэтому жена и дочери гораздо раньше меня смирились с тем, мы долго не сможем вернуться в Доломитовые горы. В отличие от жены и дочерей, до самого ноября 2020 года я наивно надеялся: Евросоюз отменит ограничения для американцев, в экстренном порядке разработают вакцину и т.п. И хотя я едва ли принадлежу к числу прокрастинаторов, почти до самого Дня Благодарения откладывал решение отменить поездку в Италию и вернуть билеты. И вот теперь, когда впервые за многие годы у нас отсутствуют планы на зимние каникулы, я наконец смирился с тем, что в этой истории не будет развязки. Я всего лишь завуалировал реальные имена некоторых участников и немного нарушил пропорции так называемой «реальной жизни»...

Все началось зимой 2017. Вообразите солнце Италии, конец февраля в Вероне, счастливого русского американца с семьей, который только два дня назад прилетел в Европу из Бостона. Нас ждал академический отпуск, несколько лекций в итальянских университетах и научная конференция, но главным образом свобода от медицинских дежурств (для жены) и от надоевших

студентов, готовых выгрызть профессорскую печень. Мало с чем сравнима радость узнавания итальянских красот, которые мы с Кэрен когда-то в юности увидели порознь (она скорее генриджеймсовской, чем мандельштамовской «американкой за границей», а я советским беженцем, застрявшим «в ожидании Америки»). И вот теперь мы собирались прикоснуться ко всей этой красоте вместе с нашими дочками, – Мирушей (тогда одиннадцатилетней) и Танюшей (тогда десятилетней). На позирование на балконе Джульетты, поход в местную оперу на «Капулетти и Монтеки», стояние на арочном мосту через Адидже, с которого видны развалины римского театра и крылатые байдарки, состязающиеся с вешними водами, и медленное чтение карт в веронских тратториях ушло полтора дня. Вечером второго дня нашего блаженного туристского безделья (*dolcefarniente*) я прочитал лекцию – о Владимире, Вере и Дмитрие – в Веронском университете, где меня принимал граф Стефано Алоэ в черном берете, – друг поэтов, философов и бродячих музыкантов. А утром 21 февраля мы с женой и дочками сели в красный фиатик и покатали в Доломитовые Альпы, где нас ждала неделя горнолыжного отдыха. Не буду рассказывать о путешествии из Вероны в бывший Южный Тироль и об остановке в Больцано, где наши дочки увидели знаменитого «снежного человека» по имени Отци, которому уже почти пять с половиной тысяч лет. Если вы бывали в этих местах, то мой рассказ вас ничем не удивит, а если не бывали – поверьте мне на слово. Только ради этого археологического музея стоит заехать в Больцано. Ради музея и ради стакана местного лагрейна, в котором слышны гортанные нотки ладинского языка – отзвуки тысячелетий. Почему ладинского языка? А потому, что наш путь лежал в самое сердце ладинской истории и культуры. По-немецки этот автономный регион Италии – своего рода мост между центральной и южной Европой – называется «Южный Тироль» (*Südtirol*), по итальянский – Трентино-Альто-Адидже (*Trentino-Alto Adige*). Меня, обожателя меньшинств и автономных регионов, сюда влекло именно древнее племя латинов, потомков близких к этрускам ретов, которых в начале общей эры покорили римляне. Отпочковавшись от латинян, предки латинов сохранили своей древний язык и свою культуру.

Планируя поездку, я намеренно выбрал горную деревушку Бадия (Badia), самую северную и отдаленную в цепочке горнолыжных курортов Альта-Бадия. Мне хотелось погрузиться в жизнь ладинской деревушки, слушать ладинский язык, наблюдать жизнь древнего европейского народа, общее население которого составляет всего около тридцати тысяч человек. Итак, в закатный час мы оставили позади городки Колфоско, Корварра и Ла Вилла и въехали в деревушку Бадия, расположенную у подножья горы Санта-Кроче. В переводе с итальянского наш отель называется «Лесная мелодия», но по-итальянски это название не только не режет слух, но, напротив, обещает гармонию и покой. Отель одной стороной выходит на горнолыжные спуски, а другой – на поросшие соснами заснеженные отлоги, среди которых упрятаны молочные фермы. Издалека наш отель чем-то напоминает летательный аппарат. В каждом номере – балкон, из каждого номера открывается свой особенный вид.

– Волшебная гора, – сказал я жене, когда мы в первый раз вышли на балкон.

Кэрен читала Томаса Манна в гарвардские университетские годы, но забыла, кто в романе выздоравливает, а кто заболевает. А я никак не мог забыть...

Отель, в котором мы остановились, уже много десятилетий принадлежит одной ладинской семье, и девяностолетняя сеньора, старая хозяйка, в полдник разливает глинтвейн и подает постояльцам домашнее печенье. Все служащие отеля – деревенские жители, большая часть которых – ладинцы. Только красавец-бармен был родом из городка неподалеку от Триесте. Обед в отеле превращен в многоактный кулинарный спектакль с дегустацией местных вин. Все устроено на редкость изящно и разумно. Сразу понимаешь, что отсюда не захочется уезжать. Вот мы и влюбились и в деревушку Бадия – и в наш горный отель. Вот только одно обстоятельство. Вечером первого дня в сауне отеля мы познакомились сразу с несколькими немцами и австрийцами.

– А разве вам не нравятся Гармиш или же Санкт-Антон? – спросила моя жена у попутчиков по сауне.

– Здесь снег лучше, народу меньше и по-немецки говорят, – ответил улыбчивый господин из Мюнхена. – А главное – еда!

Эденическая кухня!

Мы с женой переглянулись, отгоняя мысли о прошлом. «Все ерунда», – подумал я. «Сто километров горнолыжных спусков – как-нибудь разминемся».

На следующее утро, выбрав лыжи и шлемы, оставив дочек на полдня в горнолыжной школе Scuola Sci Badia, мы с женой наконец-то поднялись на вершину горы Санта-Кроче. Был идеальный день. Безветренно, солнечно, хорошо утрамбованный снег, и главное – без ледяных залысин, которых почти не удастся избежать во время катания в горах Вермонта и Нью-Гемпшира. Мы прокатились два раза, поднялись на вершину горы в третий раз и решили попробовать разные спуски и встретиться у подъемника внизу. Я кайфовал, плавно спускаясь по широкому безлюдному склону и пребывая в состоянии, близком к левитации. Следующие несколько минут я запомнил будто в режиме стоп-кадра. Помню каким-то самым боковым зрением, как в меня летела серебристая стрела. Помню красную кляксу в левом верхнем углу кадра. Потом помню падение и вращение склона с попутным отстреливанием лыж. А уже потом помню зверскую боль в левом боку и искаженное от злобы лицо сноубордиста, потерявшего управление на повороте. Ему было на вид около сорока пяти лет, и как часто бывает в такие минуты обострения всех чувств, мне навсегда запомнилось его лягушачье лицо, выбритое так гладко, что казалось, что его обожгли серной кислотой. Сноубордист отстегнул свой полоз, подобрался ко мне, поправил перекошенные на переносице очки в золотой оправе, и сказал по-английски:

– Вы не в ту сторону повернули.

Так он и сказал, дословно.

Я с трудом поднялся на ноги и взглянул сначала на вход в подъемник у подножья горы, вокруг которого кишела муравьиная жизнь горнолыжного курорта, а потом на горизонт, уставленный шелковыми облаками.

– Как можно «не в ту сторону» повернуть? Что за бред? – выдавил я сквозь зубы.

– Вы не в ту сторону повернули, и мы столкнулись. Вы могли меня убить, – напирал сноубордист.

– Вы давно катаетесь? – спросил я.

– Это не имеет никакого значения, – парировал сноубордист.

Мне очень захотелось разбить ему нос.

– Вы в меня врубались на полной скорости, – сказал я, стараясь не кричать от боли. – У меня, похоже, переломаны ребра, а вы даже не извинились и не спросили, нужна ли мне помощь.

– Извиняться мне не за что, – произнес сноубордист. – И я вижу, что с вами все окэй, раз вы сами встали на ноги.

– Вы что, врач? – почему-то спросил я.

– Нейрохирург, – ответил сноубордист.

«Где-то я его видел... доктор Смерть», – пронеслось в голове. В этот момент я увидел, что к нам лесенкой поднимается пожилой сухопарый горнолыжник в небесно-голубой куртке. «Еще не хватало пожилого эсэсовца на свободе», – подумал я, испытывая чувство полнейшего отвращения ко всему человечеству. «Пожилой эсэсовец» оказался милейшим стариком из Штутгарта, который сразу же занял мою сторону.

– Я все видел, все. Целиком ваша вина, – сказал он по-немецки сбившему меня сноубордисту с лицом на завязочках. – Он в вас врезался. Очень-очень неосторожно, – добавил старик по-английски и протянул мне руку.

Сноубордист выстроил на лице подобие улыбки и предложил помочь мне найти лыжи и вместе спуститься с горы.

– Мне от вас помощь не нужна, – ответил я.

Доломитовые Альпы – это не американские лыжные курорты, где по склонам разъезжают патрули первой медицинской помощи. Поэтому пришлось преодолеть боль и самому съехать вниз, на что ушло еще минут двадцать. У входа на подъемник меня ждала Кэрен. Рядом с ней, картинно потирая плечо, стоял сбивший меня немец-сноубордист. – Он мне уже рассказал, – сказала жена, целуя меня. – Где болит? – Адски болит в боку, – ответил я. – Думаю, ребра. – Ребра постепенно заживут. Главное, чтобы не было разрыва селезенки. – А как он, кстати, тебя вычислил? – спросил я. – Сама не знаю, подошел и представился. Сказал, что ты упал и расшибся. Он врач из Берлина. – А то, что вы в меня врезались на полной скорости, этого вы моей жене не сказали? – спросил я сноубордиста. – Коллеги, не станем спорить. Главное сейчас поскорее попасть к врачу, – елевым голосом ответил

нейрохирург. Я стоял у в подножья горы Санта-Кроче в состоянии полуоцепенения. Жена успела уже сбегать в контору и вернуться.— Поехали. Я вызвала машину до Больцано, — сказала Кэрен. — Там больница.

Сноубордист немного кокетливо помахал нам кончиками пальцев правой руки. — Надеюсь, ничего серьезного, — сказал он. — Поправляйтесь.— А как вас, кстати, зовут? — спросила жена— Беккер, — ответил нейрохирург.

— А по имени? — добавила жена.

— Людо, Людо Беккер.

«Вот умница!» — подумал я. — «Главное в жизни — правильно жениться».

Шофер такси, здоровенный парень с заросшим щетиной лицом и черными пальцами, оказался не ладинцем и не итальянцем, а австрийцем-тирольцем.— Зачем вам в Больцано? — сказал он по-немецки.— А куда нам еще ехать? — спросил я.— Я вас отвезу в Ла Виллу к доктору Мартину. У него есть все оборудование, — посоветовал шофер. — Всего пять километров отсюда.— А он хороший, этот ваш «дохтохрр Махрртин? — спросил я.— Он принимал роды всех наших детей. Моя жена считает, что он лучший в регионе. Через десять минут мы уже стояли в приемной доктора медицины Мартина Шпехтенхаузера.— Заполнить бумаги. Ждать около двух часов, — сказала по-английски женщина в окошке, употребляя только инфинитивы.

— А у вас правда есть всё оборудование? — спросил я.

— Вам сделать рентген, и если нужно — другие обследования. Сидеть и ждать. Пока Кэрен ходила за сэндвичами, я успел осмотреться. В приемной сидели беременная женщина, мальчик на костылях, миниатюрная пожилая дама в черном и рядом с ней пожилой господин в тирольской шляпе с зеленым пером, а также мужчина левантийской наружности с висящей на перевязи рукой (потом выяснилось, что он был эрфуртцем одесского происхождения).

Доктор медицины Мартин Шпехтенхаузер оказался высоким усачом атлетического сложения. Скорее не сходством фактуры, но каким-то выражением мимолетной печали, какая бывает у цирковых артистов, доктор Шпехтенхаузер был похож на В.Г. Зебальда,

тончайшего немецкого лирика, большую часть жизни прожившего в Англии и умершего в своей машине на сельской дороге.

– Ну, показывайте, – сказал мне доктор Шпехтенхаузер.

– Сначала просветим, – сказал он моей жене. – Потом ультразвук. Вы подождите в приемной.

– Я врач, – возразила жена.

– Может, вы хотите занять мое место? – спросил доктор Шпехтенхаузер, но не хамским, а усталым голосом.

Кэрен не стала возражать и вышла.

Рентген делал ассистент, а вот УЗИ проводил сам доктор Шпехтенхаузер.

– Сломаны, сломаны, – объявил он, приглашая жену войти в кабинет. – Зато селезенка в порядке.

В окошке мне выдали справку с диагнозом «перелом X-го и XI-го ребра левый гемоторакс». К справке был приложен рецепт на болеутоляющие и копия оплаченного счета на 330 евро.

Я сдал лыжное снаряжение. В конторе подъемника мне наличными вернули бóльшую часть стоимости недельного пропуска. Кляня судьбу, я вернулся в гостиницу, разделся и принялся разглядывать в зеркало фиолетово-бурые синяки и кровоподтеки, спускавшиеся с левого бока по бедру наподобие языков жидкой лавы. Потом я набрал ванну, глотнул из фляги бурбона и попытался расслабиться. Вот только меня не оставляла мысль о вселенской справедливости. Перед тем, как прикорнуть на диване в гостиной, я открыл лэптоп, ввел в Гугль слова «доктор Людо Беккер» и «Германия», и тут же получил ответ. Доктор Людо Беккер работал в частной нейрохирургической клинике в Ванзе. Я нажал на линк, и с экрана на меня взглянули потянутые тиной болотистые глаза сбившего меня сноубордиста. Меня хватило лишь на короткий мейл: «Доктор Беккер. Прилагаю копию заключения врача и счет. Надеюсь, Вы не откажетесь компенсировать медицинские расходы. Ваш М.Д.Ш.»

Уже перед сном, после ужина с женой и дочками (которым предстояло всю неделю кататься без меня), после «пирогов и пива» я проверил мейл и обнаружил такой ответ: «Господин Ш., для меня горнолыжный сезон тоже завершен, порвана ротаторная манжета левого плеча. Моей вины в том, что Вы сломали ребра,

нет. Но тем не менее я передаю Вашу информацию в свою страховку. С Вами свяжутся. Л.Беккер».

В 1991-м году, когда на втором курсе докторантуры я начинал внимательно читать Набокова, мне показались чересчур манерными строки, написанные в марте-апреле 1950 во время приступа межреберной невралгии: «0, нет, то не ребра/ – эта боль, этот ад –/ это русские струны/в старой лире болят». В конце февраля 2016 я увидел эти стихи в совершенно ином свете, оценил их анатомическую точность. Первые две ночи после происшествия в горах я не мог спать лежа. Я сидел в кресле у балконной двери и смотрел на склоны, посеребренные свежим снегом. Потом я немного привык и вошел в ритм жизни с переломанными ребрами. По утрам я завтракал с женой и дочками (вместо вядчины и салями заботливая официантка приносила нам вяленую говядину и индюшатину).

Потом я провожал своих до лыжного подъемника и отправлялся на прогулку по деревушке, разглядывал резные окна и двери, оленей за оградой у подножья горы, лошадей и коров на ферме по соседству с отелем.

Я пытался кое-что сочинять или редактировал уже написанное. Днем я перекусывал в ладинском ресторанчике, где у стойки бара в полдень собирались местные парни, чтобы выпить граппы. Я тоже пил граппу, но не за стойкой, а за столиком у окна.

От сильной дозы болеутоляющих в голове был полный сумбур. Я отправил эссе о московских клоунах с еврейскими фамилиями в нью-йоркский журнал «Скрижаль». После публикации выяснилось, что в новое эссе по ошибке вошел кусок из другого моего эссе, которое незадолго до этого было опубликовано в нью-йоркском журнале «Мозаика». Журналы эти соперничают за души еврейских читателей в Америке. Редакторы обиделись, но «Скрижаль» простила меня после того, как я повинился и все объяснил, а вот «Мозаика» до сих пор дуется...

Через пару недель потихоньку отпустило. Я даже водил машину, таскал чемоданы по узким флорентийским улочкам, и почти не жалел о том, что не удалось покататься на лыжах. Мы вернулись в Бостон в конце марта и я был готов оставить всю эту историю с берлинским нейрохирургом на свалке памяти, но не тут-то

было. В почтовом ящике меня ждало длинное письмо от доктора Кристиана Х., адвоката, представлявшего немецкую страховую компанию. Он писал, что «уполномочен вести дело, связанное с происшествием на горе Санта-Кроче в районе Альта-Бадия». В письме содержались подробные указания. Мне надлежало представить «описание того, что произошло 22 февраля 2017 года, с приложением плана местности» и подробным объяснением. Только после этого, писал адвокат Х., «будет рассмотрен вопрос о компенсации 330 евро за счет страхового полиса доктора Беккера».

Мне нелегко даются подобные вопросники и протокольные формы. Писатель Леонид Леонов сказал мне летом 1993-го года, что принадлежит к «несчастной породе стилистов, так называемых, которые пишут расписку “Три рубля получил взаймы...” и так далее, пишут две недели». Так и есть. Писать халтурно не получается, а к тому, чтобы просто отвечать канцелярским стилем, душа не лежит. Я убил на ответ полдня, приложил к нему копии всех документов и отправил письмо в Германию. В тот же день я позвонил в свою собственную страховую компанию. Оказалось, что мне возместят «заграничные медицинские расходы», но придется сделать еще раз рентген, который мне оплатят. «Тоже чушь собачья», – подумал я, но все же записался на повторный рентген. Причем по судьбоносному совпадению снимок «прочитала» наша приятельница Сабина Л., талантливый врач-рентгенолог. Сабине, которая выросла в городе Оргеев, откуда родом поэт Довид Кнут и первый мэр Тель-Авива Меир Дизенгоф, присуще особое бессарабское чувство юмора. Она мне сразу позвонил и сказала, что «я красив изнутри», но вот переломаны «не два, а все четыре» ребра, но теперь «ничего, ребра заживают, будут крепче».

Через месяц пришло второе письмо от адвоката Х. В нем говорилось, что я не привел точных подробностей – откуда и куда я ехал, какие были погодные условия, а главное – есть ли свидетели произошедшего. Я разозлился, но все-таки сделал над собой усилие и ответил. Разумеется, имени симпатичного эсэсовца, который «все видел» и мог бы подтвердить мою правоту, у меня не было. Пришлось написать, что столкновение

видел «джентльмен из Штутгарта в небесно-голубой куртке», но вот только я не записал его координаты. В ответном письме адвокат Х. сообщил мне, что «безымянный старик из Штутгарта не может быть очевидцем происшествия», и что для продолжения дела мне придется привести дополнительную информацию.

– Зачем тебе, оставь, – сказала моя жена. – Нам же возместили.

– А правда? А справедливость? – спросил я.

– Справедливости нет, – ответила Кэрен. – По крайней мере в таких вопросах.

– Я не могу не ответить, – сказал я жене. – Понимаешь, не могу. Этот гад Беккер испортил нам отпуск.

В ответном письме адвокату Х. я выразил свою предвзятость о бюрократии, а также о полнейшей абсурдности того, что адвокат скорее всего получит за свои услуги в десять раз больше, чем сэкономит своим доверителям. Это было одно из худших писем, когда-либо отправленных мною. Я поставил в копию доктора Людо Беккера и отнес письмо на почту в Честнат Хилле, рядом с домом. «Пусть кушает», – думал я, стоя в очереди.

* * *

Прошло три года. Наша старшая дочка стала бат-мицвой и вступила в орден тинейджеров. На мое пятидесятилетие жена и дочка организовали новую поездку в Доломиты. Мы жили в том же отеле в деревушке Бадия, и каждый день я искал доктора Людо Беккера на склонах. На следующий год мы с женой и дочками вернулись в Доломиты. Не только влюбленных тянет на место любви. И не только преступников – на место преступления. Я не оставлял надежду увидеть моего обидчика, берлинского нейрохирурга Людо Беккера. Увидеть, остановиться и еще раз заглянуть ему в водянистые глаза...

Я печатаю эти строки 16 декабря 2020 года на даче в деревне Саут Чэттем на Тресковом мысу. Здесь мы провели самые тяжелые месяцы ковидного карантина, и сюда мы сбегали из Бостона при первой возможности. Место, где расположена наша дача, раньше считалось «тишайшим», особенно вне сезона, но за последние месяцы многое изменилось. В двух домах за углом от нас

поселились беженцы от пандемии, супружеская пара рок-музыкантов, которые перестали гастролировать, и поэт-меланхолик и его жена, профессор археологии из Сан-Франциско. Глубинкой нашу дачную местность уже назовешь...

Надвигается северо-восточный буран. Мы с дочками подумываем о том, чтобы сгонять на пару дней в Нью-Гемпшир, чтобы покататься на горных лыжах. Жена не может с нами поехать – из-за пандемии у врачей еще более строгие ограничения в передвижении. Но на самом деле после Доломитовых гор Кэрен охладела к катанию в Новой Англии и не очень-то и хочет ехать с нами.

Представьте мое изумление, когда неделю назад, в середине светлой Хануки, я вдруг получил письмо от доктора Кристиана Х., адвоката немецкой страховой компании. В письме сообщалось, что поскольку я «не привел запрошенных сведений о случившемся 22 февраля 2017 года», дело о компенсации «закрито по отсутствию состава».

Переложил с английского автор
Бостон-Саут Чэттем, 2020-2021.

Об авторе: МАКСИМ Д. ШРАЕР (Maxim D. Shrayer)

Поэт, прозаик, литературовед, переводчик, автор более 15 книг на английском и русском языках, среди которых «В ожидании Америки», «Бунин и Набоков. История соперничества», «Бегство», «Антисемитизм и упадок русской деревенской прозы». Автор трех сборников стихотворений на русском языке и сборника стихотворений на английском языке. В переводе на русский рассказы Шраера опубликованы в книге «Исчезновение Залмана». Составитель и редактор двух антологий еврейско-русской литературы в английских переводах. Произведения Шраера переведены на девять языков. Родился в 1967 году в Москве, эмигрировал в 1987 году. Профессор в Бостонском Колледже (США). Удостоен Национальной еврейской премии США (2007) и стипендии Фонда Гуггенхайма (2012). Живет в Бостоне с женой и

двумя дочерями. Некаўалар